

Кольцова Татьяна Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математических дисциплин Тюменского государственного института культуры. Адрес: 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Республики, д. 19. Тел.: +7 (3452) 33-49-21. Эл. адрес: tak@mail.ru

Хайруллина Нурсафа Гафуровна — доктор социологических наук, профессор Тюменского индустриального университета. Адрес: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38. Тел.: +7 (3452) 68-34-46. Эл. адрес: nursafa@inbox.ru

Pelkova Svetlana Vladimirovna, Candidate of Economy, Associate Professor, Department of Economic Theory and Applied Economics, Tyumen State University. Postal address: 8 Respubliki St., Tyumen, Russian Federation 625003. Tel.: +7 (3452) 29-76-46. E-mail: svepelkova@yandex.ru

Koltsova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Economy, Associate Professor, Department of Economics and Mathematical Disciplines, Tyumen State Institute of Culture. Postal address: 19 Respubliki St., Tyumen, Russian Federation 625003. Tel.: +7 (3452) 33-49-21. E-mail: tak72@mail.ru

Khairullina Nursafa Gafurovna, Doctor of Sociology, Professor, Department of Marketing and Municipal Management Department, Tyumen Industrial University. Postal address: 38 Volodarsky St., Tyumen, Russian Federation 625000. Tel.: +7 (3452) 68-34-46. E-mail: nursafa@inbox.ru

DOI: 10.17805/zpu.2016.4.30

Гендерный конфликт глазами молодежи: биосоциологический аспект

Е. А. ТУРИНЦЕВА, Е. В. РЕШЕТНИКОВА, В. В. ПОПОВА

(ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Целью данной статьи является изучение гендерного конфликта как биосоциального явления, причин и последствий его становления и развития в современном обществе. Методологическим основанием исследования служит концепция биосоциологии, предложенная Вал. А. Луковым. Концепция призвана выявить возможные трансформации общества через накопление в новых поколениях критической массы биологических и интеллектуальных, а также социокультурных изменений. Основанием своих рассуждений авторы полагают биосоциальный принцип конструирования взаимоотношений между полами в рамках пирамиды власти. В задачи входит изучение трансформации взаимоотношений полов в молодежной среде, поскольку именно молодежь и процессы, в которых она принимает участие, детерминируют будущее.

В статье представлены результаты и выводы эмпирического исследования (2013–2014 гг.), посвященного изучению содержания гендерного конфликта современности таким, каким видит его молодежь, через анализ взаимных претензий юношей и девушек, актуальных в конкретных социально-исторических условиях. Интерпретация результатов эмпирической части проводилась с опорой на идею о регуляции непосредственных реакций и поведения людей биосоциальным гендерным кодом, имеющим биологическую и социальную составляющие, и тезис о том, что в основе поведения людей лежит биологическая и социальная целесообразность.

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе изучения повседневных практик межполового взаимодействия студенческой молодежи показывает, что гендерный конфликт сегодня базируется на биосоциальной дисфункции полов, на когнитивном диссонансе, отражающем перемешивание имманентных иерархий полов. Обоснованы реальность гендерного конфликта и тенденции его обострения. Выделяются институциональный,

межличностный и внутриличностный конфликты и причины, их вызывающие. Особую опасность представляет связанный с развитием гендерного конфликта рост неконтролируемой агрессии в обществе.

Ключевые слова: пол; гендер; гендерный конфликт; молодежь; биосоциология

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX — начале XXI вв. усложнение социальных систем и высокий темп социокультурных изменений привели к росту конфликтогенности во многих сферах жизни глобального общества. Социальная напряженность сегодня отчетливо проявляется во взаимоотношениях различных социальных акторов на уровне личности, семьи, коллективов, формальных и неформальных организаций, сообществ и государств. Не стали исключением и взаимоотношения полов.

В данной статье рассмотрен биосоциологический аспект проблемы становления и развития гендерного конфликта как социального явления.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНФЛИКТА КАК БИОСОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

В публикациях последних лет неоднократно поднимались остро дискутируемые вопросы относительно социальных проблем, детерминированных трансформацией взаимоотношений между полами. Так, С. Н. Бутова и А. В. Демидова, анализируя тренды в исследованиях семьи по изменениям тематики публикаций в журнале «Социологические исследования», отмечают, что в позднем советском и постсоветском семьеведении возникают новые предметные области: проблемы насилия, распределение внутрисемейных ролей и др.; а также актуализируются существовавшие ранее проблемы: однополое, особенности функционирования социально-дезадаптированных семей и т. д.; появляются новые исследования, описывающие тенденции, характеризующие процесс трансформации института семьи и брака в обществе как институциональный кризис семьи: снижение брачности, рост числа разводов и т. д. (Бутова, Демидова, 2008). Все эти тренды, на наш взгляд, прямо или косвенно указывают на такие изменения во взаимоотношениях между полами, которые имеют негативные последствия для личности, семьи, государства и могут быть осмыслены с точки зрения развивающегося гендерного конфликта.

Не только научные исследования, но и повседневный опыт, получивший свое отражение в популярных изданиях (А. Никонов, В. Вис), свидетельствуют об изменениях в глобальном обществе, способствующих продвижению человечества по пути углубления и институализации гендерного конфликта.

В странах Запада в силу специфики социально-исторических условий трансформация взаимоотношений полов достаточно скоро стала описываться в конфликтологических терминах. В отечественной же социологии конкретизация проблематики гендерных взаимоотношений как конфликта была актуализирована относительно недавно. Вместе с тем, на сегодняшний день в нашей стране накоплен огромный материал, относящийся к исследованиям смежных проблем в фамилистике (Харчев, Мацковский, 1986), феминологии (Силласте, Кажамжарова, 1997; Воронина, 2010), социальной психологии (Клецина, 2004), социологии гендера (Здравомыслова, Темкина, 2000) и др., который может служить теоретической базой изучения гендерного конфликта как сложного социального явления.

В социальной психологии гендерный конфликт понимается как межличностный, вызванный потребностью в перераспределении традиционных мужских и женских

ролей и, реализуемый в семейной и профессиональной сферах. И. С. Клецина относит гендерный конфликт к социально-психологическим феноменам гендерного содержания, которые возникают в процессе взаимодействия субъектов гендерных взаимоотношений и рассматриваются на внутриличностном уровне анализа гендерных отношений (Клецина, 2004: 9).

Социально-философский аспект проблематики гендерного конфликта раскрыт в работе В. Н. Кириллиной (Кириллина, 2004). Источник гендерного конфликта как реальности с позиций социальной философии видится в том, что симметричность Мужского и Женского начал, с необходимостью реализованная на витальном уровне, не переходит автоматически на трансвитальный уровень, не становится сущностным основанием социокультурных практик. Особенностью гендерного конфликта, объясненной с позиций гуссерлианского понятия жизненного мира, является его неосознанность и неорганизованность противостоящих сторон (Луков, Кириллина, 2005).

В работах Н. Н. Коростылевой ставится вопрос о социологической концепции гендерного конфликтогенеза. Гендерный конфликт определяется ею как разновидность социального конфликта и особый вид социального взаимодействия между полами, при котором действия одной стороны сталкиваются с противодействием другой во всех сферах жизнедеятельности человека. Одной из отличительных черт гендерного конфликта Н. Н. Коростылева считает зависимость его от биологического фактора (Коростылева, 2005).

В ходе изучения семьи военнослужащего в условиях закрытой социальной системы армии (Туринцева, 2011), роли женщины в армии (Решетникова, Туринцева, 2013) мы также затрагивали тему гендерного конфликта и пришли к выводу, что в основе конфликта между мужчинами и женщинами лежит, прежде всего, нарушение естественной системы их взаимоотношений. Поэтому мы предлагаем подойти к рассмотрению гендерного конфликта с позиций биосоциологии.

Биосоциология является формирующейся научной концепцией и практикой исследования сложных по природе явлений современной общественной жизни, исходящих из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей) (Луков, 2011). Своим предметом биосоциология имеет те стороны жизни, которые и на макроуровне, и на микроуровне человеческих взаимодействий непосредственно вытекают из биологической природы человека и, прежде всего, это вопросы гендера (Луков, 2013, 2014).

Биосоциологический подход к гендерной проблематике в настоящее время демонстрируют и зарубежные социологи. Так, в монографии Р. Хопкрофта «Эволюция и пол: почему это важно в современности?» автор объясняет конфликт между полами, а также широкую распространенность и устойчивость патриархальных режимов с точки зрения биосоциологии (Hopcroft, 2016).

Две проблемы, на наш взгляд, препятствуют широкому применению биосоциологического подхода к исследованиям по гендерной тематике:

— сохраняющаяся дихотомия естественнонаучного и гуманитарного знания, порождающая взаимное отторжение позиций биологов и социологов относительно человека и общества;

— несовершенство терминологии и неустойчивость понятий, связанных с определением линии разграничения биологического и социального в человеке. Так, понятие «пол» однозначно отсылает нас к биологии и предполагает только два варианта (мужской и женский). Понятие «гендер», обозначающее социальную конструкцию на

основе пола, напротив, не имеет отношения к биологии и отличается разнообразием. При этом исследователи зачастую употребляют оба термина как аналогичные, означающие мужчин и женщин.

Нам видится закономерным охарактеризовать гендерный конфликт, исходя из функции осуществления власти, которая не только социальна, но и биологична, так как жизнь всех животных базируется на выстраивании властной иерархии. Поэтому основанием своих рассуждений мы полагаем биосоциальный принцип конструирования взаимоотношений между полами в рамках пирамиды власти.

Можно констатировать с точки зрения биологии, что физиологические, психологические и поведенческие отличия женщин и мужчин обусловлены функциональным различием полов, которое детерминировано единой целью — успешной репродукцией. При этом различная функциональность не означает неравенства. Межполовая иерархия у *Homo sapiens* предполагает главенство мужского пола. Однако подчинение женского пола, абсолютное в стратегическом плане, в тактическом весьма условно. Так, известный антрополог М. А. Бутовская отмечает, что ключевую роль в эволюции *Homo sapiens* сыграл половой отбор, производимый самками. Женский пол выбирает, мужской — старается понравиться, в том числе, демонстрируя подчиненное поведение (Бутовская, 2013).

Кроме межполовой иерархии, как женский, так и мужской пол предполагают собственную статусную иерархию. Имманентные иерархии полов в природных условиях никогда не пересекаются (т. е. самцы не конкурируют за статусные позиции с самками) и конфликта между полами не возникает.

Момент выявления статуса в природе всегда связан с проявлением агрессии, которая затихает, как только статус определен. Биологические основы проявления агрессии у мужчин и женщин имеют свои особенности. Этологи определили их, наблюдая за поведением ближайших к человеку так называемых нечеловеческих обезьян. Самцы обезьян устраивают поединки, где сравнивают физическую силу. Иногда они объединяются в группы против отдельных самцов или других групп самцов, не допуская при этом убийства, и никогда не привлекают самок к процессу выявления статуса. Самки же более изобретательны в способах борьбы за высокий статус во внутривидовой иерархии, и бывает, что используют в своих «разборках» самцов. Так, самка шимпанзе способна «уговорить» «своего» самца напасть на конкурентку и ее детенышей вплоть до их убийства (Марков, 2011: 31). Отсюда можно предположить, что женщина, вынужденная постоянно уточнять свой статус, имеет высокий потенциал агрессии, в среднем выше, чем мужчина.

Итак, биологическая модель взаимоотношения полов, содержащая два вида иерархий (между полами и внутри каждого пола) принципиально не конфликтна. Сиюминутный конфликт возможен как проявление агрессии в момент выяснения статуса.

Биологическая функциональность и неконфликтная модель взаимоотношений между полами успешно воспроизводилась в социальных практиках архаичного и традиционного обществ. Можно отметить разделение дома на мужскую и женскую половины (территориальное выражение не пересекающихся внутривидовых иерархий); строгое наказание за изнасилование у разных народов, например, в Древней Руси (отражение природной функциональной системы межполового взаимодействия без насилия) и др. При этом известно агрессивное поведение представителей разных полов или одного и того же пола в отношении друг друга — суть его в установлении внутривидовой иерархии. Со временем произошла социальная трансформация биологиче-

ской модели половой иерархии, которая, на наш взгляд, и стала основанием возникновения гендерного конфликта.

Ф. Энгельс справедливо отмечал, что институт моногамного брака, сформировавшийся как ответ на возникшую потребность в строгом установлении отцовства для передачи капитала, стал первым шагом к формированию конфликтных взаимоотношений между полами (Энгельс, 1986: 29). Вторым шагом стало привлечение женщин к работе на производстве, вследствие чего возник *гендерный конфликт в профессиональной сфере*.

С внедрением механизмов главное преимущество мужского пола — физическая сила, постепенно отходит на второй план, но в изменившихся условиях даже в XXI в. женщинам продолжают платить значительно меньше.

С точки зрения обсуждаемых в статье проблем диспропорция в оплате труда мужчин и женщин существует, поскольку в сознании людей закреплена биологическая модель межполовой иерархии и функциональности полов, которая предполагает именно мужской пол ответственным за жизнеобеспечение. Эта модель стойко сохраняется в гендерном сознании. Наверное, каждая работающая женщина слышала, что ее коллеге-мужчине заплатили больше за такую же работу, потому что *«ему ведь надо семью кормить»*. О. А. Ворониной выявлено, что базовые образы маскулинности и феминности в России — это соответственно «воин» и «мать», дополняемые архетипами, не выходящими за рамки архаики: мужчина — сильный пол, защитник, добытчик; женщина — слабый пол, предназначенный для семейного и сексуального употребления (Воронина, 2010). Е. Вовк отмечает, что в российском обществе нормой считается то, что мужчина *должен* работать, а ситуация, когда женщина работает по необходимости, а не по желанию, рассматривается как дискриминация женщин (Вовк, 2006).

Возникающее несоответствие между закреплённой в гендерном сознании биологической функциональной моделью и реальностью порождает конфликт сразу на трех уровнях — институциональном, межличностном и внутриличностном.

На первом уровне конфликт выражается в ощущаемом напряжении в отношениях между полами и отсутствии взаимного доверия, отчетливо проявленных, в том числе, в символическом пространстве, в негативных социальных практиках (сознательный отказ от создания семьи и деторождения) и т. д. На втором уровне конфликт возникает, например, когда жене приходится «воевать» с неработающим мужем. Третий уровень конфликта отражается, зачастую, в высокой мужской смертности в трудоспособном возрасте — когда мужчина перенапрягается в подсознательной попытке достичь максимального жизнеобеспечения семьи или, потеряв работу, не может пережить главного — потерю возможности выполнять свою основную функцию по жизнеобеспечению.

Еще одна проблема, возникающая в связи с реализацией женщин в профессиональной сфере — это конкуренция мужчин и женщин за рабочие места, которая в биологическом измерении приводит не только к дезориентации в межполовой иерархии, но и к смешиванию имманентных иерархий полов. На уровне межличностного общения такого рода конфликт реализуется как *статусно-ролевой гендерный конфликт*. И главная проблема здесь — агрессия, свойственная моменту выяснения статуса.

Чем больше возникает вопросов о статусной позиции, чем больше локализаций (семья, рабочий коллектив, досуговое сообщество и т. д.), тем больше агрессии, причем крайне опасной, поскольку корни ее очень глубоко в нашей эволюционной истории и поэтому не осознаются людьми (отметим, в этой связи, выявленную

Вал. А. Луковым и В. Н. Кириллиной особенность гендерного конфликта — его неосознанность). Характерный для нашего времени всплеск семейного насилия, проявляющийся в особо жестоких формах, в том числе и по отношению к детям, на наш взгляд, является отражением и следствием борьбы за статусную позицию представителей «среднего пола» — обобщенных женщин и мужчин — сотрудников с одинаковой функциональностью.

Н. И. Непочетой выделены пять основных стратегий женщин, поступивших на службу в армию: «карьеристка», мотив которой — сделать в армии карьеру (сравняться с мужчиной по статусу); «профессионалка», привлеченная социальным пакетом, стабильной зарплатой и жильем (т. е. полностью замещающая мужскую функцию по жизнеобеспечению); «работница» и «вынужденная работница», чей мотив — это возможность хоть какого-то заработка в помощь мужу или для самостоятельного жизнеобеспечения; а также «ищущая спутника жизни» (Непочетая, 2004). Наш опрос жен военнослужащих также подтверждает наличие данных стратегий среди женщин-военнослужащих, притом, что «работница» и «вынужденная работница» являются ведущими (Туринцева, 2011).

Вышеуказанные стратегии можно успешно экстраполировать не только на женщин внутри закрытой социальной системы армии, но и шире — на все современное общество. При этом большинство женщин относятся к категориям «работница» и «вынужденная работница». Они по большей части бессознательно и по необходимости включаются в профессиональную деятельность, поскольку современное общество не оставляет выбора — социальные роли домохозяйки, матери, жены в нем рассматриваются как вторичные (на первом месте — карьера), да и средства к жизнеобеспечению женщинам приходится искать самостоятельно, так как «свободное» общество не может вменить в обязанность мужчине содержание женщины с детьми. При этом женщины конкурируют с другими женщинами и с мужчинами. Такого рода конкуренция снова возвращает нас к проблеме возрастающей агрессии на работе, в семье и, в целом, в обществе.

Из профессиональной сферы *гендерный конфликт* переходит в *сферу семьи и брака*.

Советские ученые одними из первых наблюдают проблемы в семье, связанные с производственной деятельностью женщин (Харчев, 1964). А. Г. Харчев и М. С. Мацковский отмечают: «... процесс перераспределения ролевых функций происходит весьма болезненно для семей, и для многих из них характерны такие явления, как “двойной рабочий день” для женщин, физическая и психологическая отстраненность мужчин от семейной деятельности, недовольство каждого из супругов своим положением в семье» (Харчев, Мацковский, 1986: 21). Возникают споры о статусе и функциях между супругами. Вопрос «о главе семьи» становится основным в контексте межличностных взаимоотношений в семьях в конце XX века.

Нам этот конфликт видится в качестве следствия дезориентации субъектов в межполовой иерархии. Как уже указывалось, мужской пол принципиально потерял сегодня свою основополагающую функцию стратегического жизнеобеспечения и полноту власти в семье получает тот, кто реально осуществляет эту функцию вне зависимости от пола. При этом мужчины, как правило, испытывают дискомфорт в случае, если главой семьи становится женщина, что объяснимо потерей статуса. При определенных условиях дискомфорт может легко трансформироваться в бессознательную агрессию и этим очень опасен.

А. В. Носкова, анализируя новые исследовательские направления и дискуссионные проблемы социологии семьи, отмечает амбивалентность семейных процессов — рас-

пространяются новые явления в семейной сфере, однако, при этом сохраняется приверженность семейным ценностям, ориентация на традиционный брак, теснота межпоколенных связей (Носкова, 2015). Этот факт говорит о том, что человечество находится на распутье. С одной стороны, продолжается развитие капитализма и связанное с ним совершенствование техники и технологий, которое приводит к экспансии искусственных систем и отрицанию в широком смысле систем естественных, в том числе биологического пола, а вместе с ним и всей биологической функциональности и целесообразных репродуктивным установкам взаимоотношений между полами. С другой стороны, наши биологические тела неизменно воспроизводят все структуры и процессы, связанные с полом и его функциональностью.

Кто победит в этом противостоянии — природа или социум? Этот вопрос пока остается без ответа, но можно сказать, что развивающийся гендерный конфликт входит в рамки тенденций к уничтожению биологического пола как такового.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО КОНФЛИКТА В ПОНИМАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Данное исследование является частью более общего исследования по биосоциологии молодежи, раскрывая гендерный аспект научной проблемы накопления критической массы биологических трансформаций и связанных с ними или идущих параллельно процессов социальных изменений. Именно молодежь и процессы, в которых она принимает участие, детерминируют будущее как в биологическом, так и в социальном смысле, а вопросы гендера, связанные с проблемой репродукции, являются ключевыми для этой возрастной и социально-субъектной группы (Туринцева, Решетникова, 2015). Эти обстоятельства определили выбор категории молодых людей в качестве респондентов для проведения исследования.

Разделяя идею Вал. А. Лукова и Н. В. Кириллиной о том, что повседневное гендерное взаимодействие без видимых всплесков противоречий, но конфликтное по своей сути становится важным фактором социокультурных изменений (Луков, Кириллина, 2006), мы приняли за методологическую основу нашего исследования социологическое изучение повседневных практик взаимодействия полов.

Эмпирические данные получены нами в ходе исследования, проведенного в Иркутском государственном университете в 2013–2014 гг.

Целью эмпирического исследования стало изучение содержания гендерного конфликта современности таким, каким видит его молодежь, через анализ взаимных претензий юношей и девушек, актуальных в конкретных социально-исторических условиях.

Для проведения исследования был выбран метод опроса в форме групповой дискуссии (фокус-групп). Качественные методы в данном случае получили преимущество, поскольку они позволяют зафиксировать детали субъективных представлений о социальных явлениях, столь важные при изучении феномена взаимоотношений полов.

Интерпретация результатов проводилась с опорой на идею о регуляции непосредственных реакций и поведения людей биосоциальным гендерным кодом, имеющим биологическую и социальную составляющие, и тезис о том, что в основе поведения людей лежит биологическая и социальная целесообразность, которая может быть действительной (т. е. актуальной в данных условиях) или мнимой, сохранившейся в форме атавистических структур и функциональных процессов организма, индивидуальных и групповых рефлексивных действий, либо в форме стереотипной и архетипической ментальности. Мы согласны с мнением В. С. Степина о том, что наряду с би-

ологическим, генетическим кодом, который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, регулирующие взаимодействие организма с внешней средой, у человека существует еще одна кодирующая система — социокод, посредством которого фиксируются программы социального поведения, общения, деятельности (Степин, 2011). В исследовании мы сравниваем теоретическую конструкцию гендерного поведенческого кода, который состоит из двух частей — биологической и социальной, с вербальными и невербальными реакциями респондентов и на основе этого строим свои предположения о состоянии и развитии гендерного конфликта в повседневных практиках молодежи.

В опросе приняли участие всего 283 человек (78 юношей и 205 девушек), в возрасте 17–24 лет (в основном 18 лет) — студентов 17 учебных групп, обучающихся по 11 разнообразным специальностям и направлениям.

В ходе исследования студенты одной учебной группы делились на подгруппы по признаку пола. Им предлагалось обсудить в подгруппах и дать ответ на единственный вопрос: «Пять причин ненавидеть современных женщин» — для мужских и, соответственно: «Пять причин ненавидеть современных мужчин» — для женских подгрупп. Далее готовые варианты ответов обсуждались при минимальной модерации преподавателем, осуществляющим при этом социологическое наблюдение и сбор социологической информации (включая аудиозапись).

Предмет обсуждения намеренно был заявлен нами в категоричной форме, на что немедленно отреагировали все респонденты-мужчины (от сомнений в правильности задания до отказа обсуждения темы при такой постановке вопроса) и только 3 женщины. Со стороны юношей звучало: «*Ненавидеть? Именно так? Я пацифист вообще-то*», «*Девушки — они же цветы жизни*», «*Мы женщин любим, а не ненавидим*», «*В ключе ненависти думать о женщинах странно*» и др. комментарии подобного плана.

Как можно интерпретировать этот эмпирический индикатор? Возможно, реакция мужчин вызвана интуитивно-инстинктивным осознанием главенства своего пола, которое подразумевает, как мы показали выше, ответственность за принятие решений по жизнеобеспечению слабых — женщин и детей. По сути, такая реакция одновременно записана в генах и сформирована в процессе социализации. Этот код предполагает защиту женщины, поэтому прозвучавшее в задании предложение «ненавидеть» вызвало вполне естественное отторжение.

Большинство девушек сразу после получения задания приступали к бурному обсуждению недостатков и пороков современных мужчин. Думается, что реакция женщин связана с биологической моделью взаимоотношений полов, которая предполагает не стратегические (руководящие), а тактические (подчиненные) действия женщин — «здесь и сейчас». Важно, что в женских программах кода, в их биологической части, нет ограничения на ненависть к мужчинам, а социальная часть кода, в своей современной, «европейской» реализации даже провоцирует такого рода ненависть, так как характеризует мужчин как извечных угнетателей женщин. В этой связи постановка задачи не вызывала у девушек неприятия.

Женщины озвучили среди первостепенных следующие претензии в адрес современных мужчин — «*грубость и невоспитанность*», «*мужчины перестали быть джентльменами*», «*мужчины безответственны — когда девушка беременеет, ее бросают*», «*мужчины не прислушиваются к женщинам*». Исходя из этих характеристик, очевидно, что опрошенные студентки бессознательно требуют ответственной заботы и внимания со стороны мужчин. В трех группах на первом месте (т. е. главное,

за что «следует ненавидеть» современных мужчин), в одной группе — на втором, в одной — на третьем месте одинаково озвучена претензия со стороны женщин: *«Я стою в автобусе на огромных каблуках, и никто из молодых людей мне места не уступит»*. В этой констатации мы также видим бессознательное требование заботы. Сюда же стоит отнести обвинения в отсутствии у мужчин желания обеспечивать материальные запросы женщин (*«женщина не должна зарабатывать больше своего мужчины»*, *«мужчина должен обеспечивать семью, а они лежат на диване, а женщины все на себе тащат»*). Таким образом, можно сделать вывод, что существует женская потребность в заботе-жизнеобеспечении со стороны мужчин, и она, по мнению опрошенных женщин, не удовлетворена.

Требование заботы однонаправленно: мужчины должны заботиться о женщинах, а не наоборот. Как выразилась одна студентка: *«Мужчины должны нам всегда и потому что»*. Действительно, с точки зрения биологии женщина малоподвижна, ее задача — предъявить требования по жизнеобеспечению мужчине, который мобилен и адаптирован для выполнения этой задачи. Т. е. мужчина в рамках биологической части гендерного кода на самом деле «должен» женщине «всегда и потому что». Однако, как мы показали выше, в современном обществе стратегическая функция жизнеобеспечения равномерно распределена между полами. Соответственно, согласно социокоду, мужчина больше ничего не должен женщине. Возникает противоречие, в котором, по нашему мнению, заключается большой потенциал развития гендерного конфликта на уровне повседневных практик. Данные результаты в нашем исследовании перекликаются с подобными результатами, полученными Е. Вовк (Вовк, 2006). Выводы ее работы заключаются в том, что стереотип «муж-добытчик», «жена-хранительница домашнего очага» очень устойчив. Т. е. в сознании респондентов сохраняется биологическая модель межполовой иерархии и половой функциональности, которая формирует ожидания того, что мужчина самостоятельно возьмет на себя ответственность за жизнеобеспечение, однако ни сама модель, ни ожидания не соответствуют реальности.

В ходе обсуждения выяснилось, что мужчины также нуждаются в заботе со стороны женщин. Однако это не требование жизнеобеспечения, а бессознательное привлечение внимания к своему статусу (который, напомним, в биологической иерархии по умолчанию выше женского). Мужчины ожидают от женщин заботы-ухаживания, подчеркивающей их высокий статус. Но вместо этого они получают только требования заботы-жизнеобеспечения со стороны равных по статусу (согласно социокоду) женщин без всяких встречных обязательств, что вызывает гнев, недовольство и способствует развитию конфликта на межличностном уровне.

Видимо, поэтому в четырех подгруппах мужчины обвинили женщин в эгоизме, еще в трех — в непомерной жажде материальных благ и меркантилизме. Действительно, биологическая часть гендерного поведенческого кода диктует для женщин «устройство гнезда» и обеспечение своим детям лучших условий в рамках основных жизненных потребностей. Социальная составляющая кода здесь совпадает с биологической и усиливает ее, отменяя верхнюю планку потребностей, заставляя женщин сверх всякой меры заботиться о реализации данной функции. «Жажда материального», таким образом, входит в биосоциальный функционал женского пола.

Для многих девушек откровением стала выявленная в ходе дискуссии необходимость ограничения мужского мира от женского посягательства — в пределах чисто мужской компании в бане, на рыбалке и т. д. Мужчины были обвинены в компьютерной зависимости, которая, по-видимому, также выражает современный вариант пре-

бывания в изолированном мужском мире. Мы видим в этом желании мужчин «побыть сами с собой» исполнение биологической части гендерного поведенческого кода, касающейся разграничения имманентных иерархий полов. Мужчины должны уединиться для выяснения статуса. Но почему девушки отвергают девичники и стремятся быть рядом с мужчинами? На наш взгляд, в данном случае женский пол пренебрегает выяснением внутреннего статуса, стремясь занять место в перманентно более высокостатусном мужском сообществе. Происходит сбой биологической части женской программы и превалирование социальной части, пол «стирается» — все, условно говоря, «становятся мужчинами» и ведут на равных борьбу за статусную позицию внутри этого «объединенного пола». Вновь мы фиксируем конфликтогенное противоречие.

Болезненным оказалось обсуждение вопросов о главенстве того или иного пола в семье, общественной жизни, всякий раз заканчивающееся безоговорочной победой мужчин при поддержке большого числа женщин. Мужчина должен быть главой семьи и руководителем — таковы результаты обсуждений этой проблематики. При этом остаются обвинения мужчин в инфантилизме (*«много ноют», «нет смелости взять ответственность за семью»*), с которыми не спорят ни девушки, ни юноши. То есть, с одной стороны, респондентами признается естественная межполовая иерархия, с другой — она нивелируется (по требованию социальной части гендерного поведенческого кода) через определенное понижение статуса в целом мужчин (инфантильный, несамостоятельный, ведомый). Это также порождает конфликт, на этот раз внутриличностный: в ожиданиях мужской пол главенствующий и руководящий, на практике — зависимый, подчиненный.

По мнению респонденток, *«мужчины стали не те»*, потеряли свою мужественность, больше не берут на себя ответственность. Но и *«женщины стали не те»*, с точки зрения респондентов-мужчин: женщины потеряли свою женственность. Они претендуют на мужские места в социуме, вместо того, чтобы сохранять свою женскую идентичность и традиционную функциональность, при этом широко используя для достижения своих целей манипуляцию естественной сексуальной потребностью мужчин, не имея других, сравнимых с мужскими, возможностей и ресурсов (интеллектуальных, например) для честной конкуренции. В целом, по мнению опрошенных, именно эти трансформации и являются на сегодня основной проблемой во взаимоотношениях между полами.

ВЫВОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Конфликтогенный потенциал женщин выше, чем у мужчин, поскольку у мужчин существует инстинктивное ограничение на ненависть в отношении женщин. При этом устройство современного общества, в целом понижая статус мужчин, заставляет мужчин и женщин конкурировать в процессе жизнеобеспечения, способствует снятию данного ограничения и развитию гендерного конфликта на институциональном уровне;

2. Существующие биологически обусловленные ожидания заботы–жизнеобеспечения со стороны мужчин (у женщин) и заботы–ухаживания со стороны женщин (у мужчин) не оправдываются в современном социуме, что служит основанием для развития конфликта между полами на межличностном уровне, а также внутриличностного конфликта;

3. Мужской и женский миры смешаны в современном обществе, в результате чего затруднено построение внутриполовой иерархии. Мужчины конкурируют с женщинами за статусные позиции, что приводит к «стиранию пола», к появлению обобщен-

ного пола и возрастанию неконтролируемой «естественной» агрессии (которая может переключаться на эрзац-объекты, например, детей). Конфликт между полами становится проявленным;

4. Подсознательно молодежь принимает биологически обусловленную модель межполовой иерархии с главенством мужского пола. Однако такая модель не соответствует повседневному реальным взаимоотношениям полов (где стратегические задачи решают как мужчины, так и женщины), что приводит к внутриличностному конфликту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, следует признать реальность гендерного конфликта и тенденции его обострения. Особую опасность представляет связанный с развитием конфликта рост неконтролируемой агрессии. Даже кратковременное общение с молодыми людьми по вопросу межполовых взаимоотношений в ходе исследования привело к определенному пониманию ситуации студентами и корректировке их поведения, к снятию напряжения, вызванного непониманием происходящего в отношениях между полами. Поэтому в качестве мер, купирующих конфликт на уровне повседневных практик, могут выступать просвещенческие акции и мероприятия, проводимые социологами. Необходима социальная реклама самооценности мужского и женского пола, их функций и равной значимости характеристик для современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутовская, М. А. (2013) Антропология пола. Фрязино : Век 2. 254 с.
- Бурова, С. Н., Демидова, А. В. (2008) Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды (по материалам журнала «Социологические исследования» 1975–2006 гг.) // Социологические исследования. №12. С. 97–103.
- Вовк, Е. (2006) Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. №3. С. 61–73.
- Воронина, О. А. (2010) Архаическое, традиционное и инновационное в гендерном сознании // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. М. : ИФ РАН. С. 65–71.
- Здравомыслова, Е. А., Темкина, А. А. (2000) Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. №11. С. 15–24.
- Кириллина, В. Н. (2004) Гендерный конфликт как фактор социокультурного развития : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М. 41 с.
- Клецина, И. С. (2004) Психология гендерных отношений : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М. 40 с.
- Коростылева, Н. Н. (2005) Социологическая концепция гендерного конфликтогенеза : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М. 40 с.
- Луков, Вал. А., Кириллина, В. Н. (2005) Гендерный конфликт: система понятий // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 86–101.
- Луков, Вал. А. (2011) Биосоциология // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 319–323.
- Луков, Вал. А. (2013) Развитие человека в свете биосоциологии // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 25–33.
- Луков, Вал. А. (2014) Биосоциология как теоретическая концепция // Гуманитарные ориентиры научного познания / отв. ред. П. Д. Тищенко; Ин-т философии РАН. М. : Изд. дом «Навигатор». С. 275–286.
- Марков, А. В. (2011) Эволюция человека : в 2 кн. М. : Астрель ; CORPUS. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. 496 с.
- Нечетая, Н. И. (2004) Гендерный контракт женщин на военной службе в России: история и современность в социологическом освещении : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб. 24 с.

- Носкова, А. В. (2015) Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. №10. С. 177–185.
- Решетникова, Е. В., Туринцева, Е. А. (2013) Социокультурные особенности семьи военнослужащего. Иркутск : Изд-во ИГУ. 139 с.
- Силласте, Г. Г., Кожамжарова, Г. Ж. (1997) Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа // Социологические исследования. №12. С. 112–120.
- Степин, В. С. (2011) Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП. 408 с.
- Туринцева, Е. А. (2011) Особенности становления и развития семьи военнослужащего в условиях закрытой социальной системы : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М. 20 с.
- Туринцева, Е. А., Решетникова, Е. В. (2015) Биосоциальные функции молодежи и их трансформация в условиях городского образа жизни в контексте социальной реабилитации // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 134–143.
- Харчев, А. Г. (1964) Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М. : Мысль. 326 с.
- Харчев, А. Г., Мацковский, М. С. (1986) Семья как фактор воспроизводства социальной структуры социалистического общества // Фундаментальные программы исследований брака и семьи. Выпуск 1. / под ред. М. С. Мацкого, Т. А. Гурко. М. : Институт социологических исследований АН СССР. С. 11–60.
- Энгельс, Ф. (1986) Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М. : Политиздат. Т. 3. 639 с.
- Harcroft, R. L. (2016) Evolution and Gender: Why It Matters for Contemporary Life. NY. : Routledge, Taylor & Francis Group. 253 с.

Дата поступления: 04. 11.2016 г.

GENDER CONFLICT THROUGH THE EYES OF YOUTH: BIOSOCIOLOGICAL ASPECT

E. A. TOURINSEVA, E. V. RESHETNIKOVA, V. V. POPOVA

(IRKUTSK STATE UNIVERSITY)

This article aims to examine gender conflict as a biosociological phenomenon, with a focus on its causes and consequences in contemporary society. Methodologically, our study is based on the concept of biosociology as developed by Val. A. Lukov. It looks for potential transformations within society via accumulating a critical mass of biological, intellectual and sociocultural change. We rely on the biosocial principle of building intergender relations within the pyramid of power. Our objectives included studying the forms the relations between genders take among the young, as it is youth and youth participation processes which determine the future.

The article presents the outcomes of an empirical study (2013-2014) which examined contemporary gender conflict through the eyes of youth, by analyzing the claims and counterclaims made by young men and women in a specific social and historical situation. We have interpreted the study outcomes by means of a new concept of a gender behavioral code, which consists of biological and social elements, and defines the behavior and discourse of its participants. Another guiding idea is found in the principle that human behavior is motivated by biological and social expedience.

Our analysis of the empirical data obtained in the study of everyday practices of intergender communication of student youth shows that the main issue contributing to the gender conflict was biosocial dysfunction of “gender blurring”, a cognitive dissonance from the upending of gender hierarchies. We show that gender conflict is real and increasingly acute. We also look at the institutional, interpersonal and intrapersonal conflicts it comprises, as well as at their causes, focusing on the rise of uncontrollable aggression as a social risk factor linked to gender conflict.

Keywords: gender; gender conflict; youth ; biosociology.

REFERENCES

Butovskaia, M. L. (2013) *Antropologija pola*. Friaizino, Vek 2. 254 p. (In Russ.).

Burova, S. N. and Demidova, A. V. (2008) Tendentsii issledovaniia sem'i v sovetskii i postsovetskii periody (po materialam zhurnala «Sotsiologicheskie issledovaniia» 1975–2006 gg.). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 97–103. (In Russ.)

Vovk, E. (2006) Gendernaia assimetriia i zhenskie roli v sovremennoi Rossii. *Sotsial'naia real'nost'*, no. 3, pp. 61–73. (In Russ.)

Voronina, O. A. (2010) Arkhaicheskoe, traditsionnoe i innovatsionnoe v gendernom soznanii. In: *Problemy rossiiskogo samosoznaniia: arkhaischeskoe, traditsionnoe i innovatsionnoe nachala*. Moscow, IF RAN. Pp. 65–71. (In Russ.)

Zdravomysova, E. A. and Temkina, A. A. (2000) Sotsiologiia gendernykh otnoshenii i gendernyi podkhod v sotsiologii. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 15–24. (In Russ.)

Kirillina, V. N. (2004) *Gendernyi konflikt kak faktor sotsiokul'turnogo razvitiia*: avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk. Moscow. 41 p. (In Russ.)

Kletsina, I. S. (2004) *Psikhologiia gendernykh otnoshenii*: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. Moscow. 40 p. (In Russ.)

Korostyleva, N. N. (2005) *Sotsiologicheskaiia kontseptsiiia gendernogo konfliktogeneza*: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk. Moscow. 40 p. (In Russ.)

Lukov, Val. A. and Kirillina, V. N. (2005) Gendernyi konflikt: sistema poniatii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 86–101. (In Russ.)

Lukov, Val. A. (2011) Biosotsiologiia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 319–323. (In Russ.)

Lukov, Val. A. (2013) Razvitie cheloveka v svete biosotsiologii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 25–33. (In Russ.)

Lukov, Val. A. (2014) Biosotsiologiia kak teoreticheskaiia kontseptsiiia. In: *Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniia*, ed. P. D. Tishchenko. Moscow, Navigator. Pp. 275–286. (In Russ.)

Markov, A. V. (2011) *Evoliutsiia cheloveka*: in 2 b. Moscow, Astrel'; CORPUS. B. 1. Obez'iany, kosti i geny. 496 p. (In Russ.)

Nepochetaia, N. I. (2004) *Gendernyi kontrakt zhenshchin na voennoi sluzhbe v Rossii: istoriia i sovremennost' v sotsiologicheskom osveshchenii*: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. St. Petersburg. 24 p. (In Russ.)

Noskova, A. V. (2015) Novye metodologicheskie podkhody, issledovatel'skie fokusy, diskussionnye problemy sotsiologii sem'i. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 177–185. (In Russ.)

Reshetnikova, E. V. and Turintseva, E. A. (2013) *Sotsiokul'turnye osobennosti sem'i voennosluzhashchego*. Irkutsk, Izd-vo IGU. 139 p. (In Russ.)

Sillaste, G. G. and Kozhamzharova, G. Zh. (1997) Sotsial'naia diskriminatsiia zhenshchin kak predmet sotsiologicheskogo analiza. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 112–120. (In Russ.)

Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiia i kul'tura*. St. Petersburg, SPbGUP. 408 p. (In Russ.)

Turintseva, E. A. (2011) *Osobennosti stanovleniia i razvitiia sem'i voennosluzhashchego v usloviakh zakrytoi sotsial'noi sistemy*: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. Moscow. 20 p. (In Russ.)

Turintseva, E. A. and Reshetnikova, E. V. (2015) Biosotsial'nye funktsii molodezhi i ikh transformatsiia v usloviakh gorodskogo obraza zhizni v kontekste sotsial'noi reabilitatsii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 134–143. (In Russ.)

Kharchev, A. G. (1964) *Brak i sem'ia v SSSR. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniia*. Moscow, Mysl'. 326 p. (In Russ.)

Kharchev, A. G. and Matskovskii, M. S. (1986) Sem'ia kak faktor vosproizvodstva sotsial'noi struktury sotsialisticheskogo obshchestva. In: *Fundamental'nye programmy issledovaniia braka i sem'i*. Vol. 1, ed. M. S. Matskovskii and T. A. Gurko. Moscow, Institut sotsiologicheskikh issledovaniia AN SSSR. Pp. 11–60. (In Russ.)

Engel's, F. (1986) Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. In: Marks K. and Engel's F. *Izbrannye proizvedeniia*: in 3 vol. Moscow, Politizdat. Vol. 3. 639 p. (In Russ.)

Hopcroft, R. L. (2016) *Evolution and Gender: Why It Matters for Contemporary Life*. NY., Routledge, Taylor & Francis Group. 253 p.

Туринцева Елена Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета. Адрес: 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1. Тел.: +7 (3952) 200-205. Эл. адрес: e_turin05@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна — кандидат философских наук, заведующий кафедрой социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета. Адрес: 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1. Тел.: +7 (3952) 200-205. Эл. адрес: eresh80@mail.ru

Попова Владлена Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета. Адрес: 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1. Тел.: +7 (3952) 200-205. Эл. адрес: 9320@mail.ru.

Tourintseva Elena Anatolievna, Candidate of Sociology, Associate professor, Department of Social Work, Institute of Social Sciences. Postal address: 1 Karl Marx St., 664003 Irkutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (3952) 200-205. E-mail: e_turin05@mail.ru

Reshetnikova Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor and Chair, Department of Social Work, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University. Postal address: 1 Karl Marx St., 664003 Irkutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (3952) 200-205. E-mail: eresh80@mail.ru

Popova Vladlena Vladimirovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Social Work, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University. Postal address: 1 Karl Marx St., 664003 Irkutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (3952) 200-205. E-mail: 9320@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2016.4.15

Методика индексного исследования гражданской активности для регионов Российской Федерации*

А. А. Фролов

(Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова)

В современной России получают развитие разнообразные формы и институты гражданского общества. При этом сам феномен гражданской активности в современной России остается слабо исследованной относительно иных категорий политической науки. Он требует детального и обстоятельного подхода. Попытка индексного анализа гражданской активности — это относительно новое и перспективное направление российской политической науки. Развитие индексных исследований связано с глобальными общественными изменениями, такими как демократизация и глобализация. В то же время развитие получают и разнообразные региональные исследования. В статье приводятся примеры суще-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №16-36-00314 мол_а «Индексное исследование гражданской активности в субъектах Российской Федерации (на примере Ярославской области)».

The study was performed with financial support from the Russian Foundation for the Basic Research, Project No. 16-36-00314 mol_a «Index analysis of civic activity in regions of Russian Federation (on the example of the Yaroslavl region)».